

В. И. РАССАДИН

МОНГОЛО-
БУРЯТСКИЕ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
В СИБИРСКИХ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Проблема общности алтайских языков волнует умы ученых не одного поколения. По этому вопросу написано множество работ. При этом возникли две точки зрения: одна - сторонников генетического родства указанных языков, другая - их противников. Однако проблема алтайской общности все еще остается нерешенной. Причина этого, на наш взгляд, кроется в не совсем правильной методике проводимых до сих пор исследований. Недаром в последнее время все больше голосов раздается за пересмотр методики, за другой подход к решению проблемы. Нам кажется, прав А.М. Щербак, когда говорит, что "на вопрос о том, с чего целесообразнее начинать исследование алтайской проблемы, следует ответить так: с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов" [38, с. 23].

Чтобы вычленил истинно общеалтайский языковой пласт, на наш взгляд, сначала необходимо выделить в алтайских языках все взаимные заимствования, как лексические, так и морфологические. И только сняв слой безусловных заимствований и выявив бесспорно общие элементы, можно вести сравнительно-исторический анализ на уровне праформ в составе этого общего слоя. Кроме того, необходимо в обязательном порядке привлекать данные археологии, истории, сравнительно-исторической этнографии и фольклористики, а также антропологии и топонимики. Только комплексно используя данные всех этих дисциплин, можно как-то приблизиться к решению алтайской проблемы.

Являясь сторонниками указанного метода, мы решили начать с выявления монгольских заимствованных элементов в тюркских языках, ограничившись для начала ареалом Сибири. Предварительные результаты этой работы доложены на 2-м международном конгрессе монголоведов в 1970 г. [см. 23, с. 47-51].

Предлагаемое ниже исследование ставит своей задачей по возможности полное выявление в сибирских тюркских языках монголизмов с определением конкретного монгольского языка-источника и примерного времени проникновения этих заимствований. Монгольские элементы выявлены не только в литературных языках современных сибирских тюркских народов, но и в их диалектах, исторически бывших еще в недавнем прошлом племенными языками и имевших самостоятельную связь с монголоязычным миром.

Однако работа не является обычной компиляцией, простым сведением воедино разбросанных по различным изданиям

этимологий тюркских слов, устанавливающих их монгольское происхождение. Автор, будучи монголоведом, долгое время занимающимся тюркскими языками, особенно их лексикой, предлагает свое решение проблемы, свое понимание направления заимствований, придя в процессе работы над тюрко-монгольской лексикой к твердому убеждению, что не следует упрощать проблему и рассматривать вместе все тюрко-монгольские параллели, представляя их как нечто однородное, как это делается в некоторых исследованиях [см., например, 28, с. 110-229]. Тюрко-монгольские параллели распадаются минимум на три строго дифференцированные группы:

1) относительно поздние монгольские лексические (и морфологические) заимствования в тюркских языках, характеризующиеся довольно четкими маркирующими их признаками;

2) относительно поздние тюркские лексические (и морфологические) заимствования в монгольских языках, тоже имеющие четкие маркирующие их характеристики;

3) тюрко-монгольские элементы, которые, с одной стороны, являются общетюркскими и, с другой стороны, представлены в монгольских языках и являются в то же время общемонгольскими.

При этом применение реконструированных праформ и тех критериев, которые предлагает А. Рона-Таш для определения заимствований и ограничения их от общих алтайских элементов [см. 25, с. 31-45], позволило бы и в третьем слое выделить заимствования и максимально уточнить общий тюрко-монгольский слой.

Не менее важно также определить как в тюркских, так и в монгольских языках слой лексики, специфичный только для каждой из этих двух групп языков, и провести сравнение на уровне лексико-семантических групп, чтобы выяснить, какие же стороны объективного мира отражены собственной их лексикой.

Хотя в предлагаемой работе рассматривается пока только часть всей проблемы, а именно монголизмы в тюркских языках Сибири, мы исходим из результатов, полученных при изучении всей проблемы в целом. Уже выявлены бесспорные монголизмы во всех тюркских языках, тюркизмы в монгольских языках, определен круг тюрко-монгольской лексики. Так что при подаче материала по сибирским тюркским языкам данные других тюркских языков нами учитывались, хотя из-за ограниченности объема книги и не приводились.

При выявлении монголизмов в тюркских языках встречаются трудности, обусловленные структурной близостью тюркских и монгольских (особенно древних) языков. Однако, опираясь на критерии семантического, фонетического, этимолого-морфологического характера, нам удалось в подавляющем большинстве случаев с большой долей вероятности установить монгольское происхождение лексем и словоформ. Но некоторые слова, редкие в тюркских языках и обычные в монгольских, настолько совпадают и фонетически, и семантически, что невозможно сделать какого-либо определенного вывода. В таких случаях решающим аргументом является наличие слова в древнетюркском языке. Так, например, на первый взгляд казалось, что алт. *торго*, тув., тоф. *торгу*, хак. *торей* 'шелк', як. *торго* 'старинная ткань' следует считать монгольским заимствованием, так как это слово почти не встречается в других современных тюркских язы-

А
ках, а в монгольском это обычное слово (ср. стп.-м. *toγu*, х.-монг., бур. *торго*, калм. *торh* 'шелк; шелковый'). Но наличие слова *toγu* 'шелк' в древнетюркском языке заставляет отнестись к определению осторожно, поскольку в сибирских тюркских языках эта лексема может оказаться наследием от древнего тюркского языка. Слова такого типа в данной работе мы не рассматривали.

Однако в некоторых случаях, применяя наши критерии, нам удавалось уточнить именно монгольский характер слова, хотя в древнетюркском сходная лексема и была представлена. Это, например, такие слова, как алт. *бөкө*, тув. *меге* 'борец, силач; сильный' (< монг., ср. стп.-м. *böke*, х.-монг. *бөх*, бур. *бүхэ*, калм. *бөк* 'сильный, силач; борец'; в древнетюркском же языке *бек* 'крепкий', *beki*, *begi* 'герой'), алт. *хурч* 'острый' (< монг., ср. стп.-м. *qurça*, ма *qurça*, х.-монг. *хурч*, бур. *хурса*, калм. *хурч* 'острый'; в древнетюркском языке слово *qurç* означает 'сильный, крепкий', а в сочетании *qurç temür* - 'сталь', в современных тюркских языках за этим словом закрепилось значение 'сталь', например тат. *коряч*, кирг. *хурч* 'сталь', хотя в киргизском *хурч* тоже означает 'острый'). Значение 'острый' у слова *хурч* в алтайском и киргизском языках могло развиваться под монгольским влиянием.

При выведении критериев для установления относительно поздних монголизмов в тюркских языках мы не могли воспользоваться методикой, предложенной Н.А. Сыромятниковым [см. 29, с. 50-61], так как, во-первых, не ставили пока своей целью выявить древнейшие заимствования на морфемном уровне, а во-вторых, древнеяпонский и древнекорейский материал нам недоступен. Не использована в целом и методика Г. Дёрфера [см. 41, с. 5-16].

В какой-то мере приемлема методика А. Рона-Таша [см. 25], но и здесь не все можно взять, так как он применил ее при выявлении древних протобугарских заимствований в монгольском языке. Но некоторые из его аргументов схожи с выведенными и применяемыми нами. Кое-что у нас совпадает и с критериями, применяемыми Б.А. Татаринцевым для определения монголизмов в тувинском языке [см. 32, с. 16-50].

Наши критерии определения относительно поздних монголизмов в тюркских языках следующие.

1. Основной критерий - совпадение (в идеале полное) звуковой оболочки и семантики соответствующего тюркского слова с монгольским (калмыцким или бурятским) при условии отсутствия этого слова в древнетюркском языке, ограниченном его распространении в современных тюркских языках и широком бытовании в монгольских языках. При этом надо различать: а) совпадение тюркского слова со словами современных монгольских языков; б) совпадение с фонетическими формами, характерными для более ранних этапов развития монгольских языков, которые зафиксированы в старописменном монгольском языке и в памятниках средневекового монгольского языка XIII-XIV вв. Необходимо учитывать, что при адаптации заимствований произошла некоторая субституция звуков, определяемая особенностями фонологической системы заимствующего языка, так как заимствование происходило в древности устным путем.

2. Фонетический критерий - несколько иной звуковой облик слов (характерный для монгольских языков) по срав-

нению с фонетическим оформлением сходных исконно тюркских слов. Так, общеизвестно в монголоведении, что монгольские комплексы *ji* и *ci* развились из **di* и **ti*, в то время как соответствующие им в тюркских языках сочетания *di* (*di*) и *ti* (*ti*) сохраняются. Поэтому наличие в слове *ji* и *ci* свидетельствует о его монгольском происхождении, например: алт. *бици* - 'писать' < монг. *bi-ci* - id. (ср. др.-тюрк. *bi-ti* - 'вырезать надпись, писать'); алт. *арчин* 'можевеловый' < монг. (ср. стп.-м. *arča*, х.-монг. *арц*, др.-тюрк. *artuŋ* id.); сар. *кечим* 'чепрак' < монг. *ke-ŋim* id. (ср. др.-тюрк. *kedim*, хак. *кезим* 'одежда'); алт. *карчага* 'ястреб' < монг. *qarçaqa* (ср. х.-монг. *харцагай*, но тув. *хартыга* 'ястреб, сокол').

Во многих монгольских словах, относимых обычно к числу тюрко-монгольских параллелей, на месте тюркского *z* представлен *ɣ* (чувацкий язык здесь в расчет не берется, а в сибирских тюркских языках в своих исконно тюркских словах отсутствует ламбдаизм и ротацизм). Поэтому, например, алт. *боро*, тув., тоф. *бора*, хак. *пора* 'серый' мы относим к монголизмам (ср. стп.-м. *boɣu*, х.-монг. *бор*, бур. *боро* id.), так как в тюркских языках обычно представлен *z*: др.-тюрк. *boz* 'серый'; алт. *кураган*, тув. *хураган*, тоф. *хураган*, хак. *хураган* 'ягненок' < монг. *qurayan* (ср. др.-тюрк. *quzı* id.); алт. *жура* - 'рисовать, изображать' < монг. *juɣu* - 'писать; чертить, изображать, рисовать' (ср. яз. - 'писать' в других тюркских языках).

В тюрко-монгольских параллелях выявлено соответствие монг. *lɣ* // тюрк. *š*, поэтому наличие в слове *lɣ* вместо *š* говорит о монгольском происхождении, например: алт. *корголжин*, тоф. *коргольчжин*, тув. *коргулчун* 'свинок' < монг. *qorɣuljin* id. (ср. кирг. *коргошун*, тат. *кургаш* id.), алт. *элжиген*, тув. *элжиген* 'осел' < монг. *eljigen* id. (ср. др.-тюрк. *eŋke*, в самом алтайском языке *эштек*) 'осел', алт. *калжан* 'лысый' < монг. *qaljan* id. (ср. др.-тюрк. *qaŋa* 'белая отметина на лбу животного, звездочка').

В монгольских словах тюрко-монгольских параллелей обычно вместо тюркского *j* представлен *ɖ*. Поэтому наличие *ɖ* на месте закономерно ожидаемого *j* свидетельствует о позднем монгольском происхождении слова, например: алт. *буды* - 'красить' < монг. *buda* - id. (ср. др.-тюрк. *bodu*-, кирг. *боџ* - id., в алтайском языке в собственно тюркских словах на месте древнего тюркского *d* всегда представлен *ɖ*, например: аяк 'нога', вл. др.-тюрк. *adaq*); телеут. *тэлин* 'вымя' (ср. алт. *јелин* id.) < монг. *deleng* (ср. др.-тюрк. *jelin* id.).

3. Этимолого-морфологический критерий срабатывает тогда, когда слово не этимологизируется на тюркской почве и морфологическая структура его неясна. В то время как в монгольских языках представлена производящая основа и иные морфологические элементы, например: алт. *бодоло* 'задача' < монг., ср. монг. *bodu* - 'думать' + монг. *-lɣa* (ср. стп.-м. *bodulɣa*, х.-монг. *бодоло* 'задача'); алт. *тарилга* 'бляха' < монг. *darulɣa* id., ср. монг. *daru* - 'давить' + монг. *-lɣa*; алт. *јакилта* 'задание' < монг. *jakilta* id., ср. монг. *јакі* - 'наказывать, заставлять' + монг. *-lta*; алт. *тоомји* 'престиж' < монг. *toɣa-mji* id., ср. монг. *toɣa* - 'уважать, считаться' + монг. *-mji*; алт. *кожуур* 'рычаг, вага' < монг. *köŋür* id., ср. монг. *köŋi* - 'поднимать вагой, воздвигать' + монг.

-gür; алт. түйлүүр 'отмычка' < монг. түлкігүр id., ср. монг. түлкі- 'толкать' + монг. -gür.

4. Критерий "исконности" слова применяется тогда, когда в тюркских языках для данного понятия имеются совершенно другие слова, например: алт. мөңүн, тув. мөңүн, тоф. мөңүн 'серебро' < монг. мөңгүн id (общетюркским названием серебра является kömüš); алт. салаа 'палец' < монг. salaа id. (< монг. sala- 'разделяться'; общетюркские названия пальца - эргек или бармак); алт. кайыл- 'таять' (ср. алт. эри- id.) < монг. qayıl- id. (в тюркских языках этому понятию соответствует лексема эри-); алт. кулур 'мука' < монг. үлүр id. (общетюркским является слово on).

5. Семантический критерий. Он свидетельствует о монгольском происхождении слова тогда, когда в тюркские языки слово вошло в каком-либо одном, зачастую переносном значении, в то время как в монгольских языках это слово имеет все свои основные прямые и переносные значения, например: алт. мөргү-, тув. мергү- 'молиться' < монг. мөргү- 'кланяться; молиться'; алт. эрүүл, тув. элээр 'трезвый' < монг. эрүүл, элүүр 'здоровый; трезвый'; тув., хак., шор. мөндө 'здравствуйте' (приветствие) < монг. мөндү 'здоровый; здоровье; здравствуйте'.

При установлении монгольского происхождения того или иного тюркского слова эти критерии применялись в комплексе.

* * *

Из исторической литературы известно, что предки современных тюркских народов Южной Сибири уже с древнейших времен имели связи с монголоязычными племенами. Особенно же сильное влияние монголов на народы Саяно-Алтая началось в XIII в., когда Чингисхан, став во главе Монгольского государства, принялся расширять границы своей империи. В 1207 г. по его приказу состоялся "лесной" поход Джучихана, направленный на завоевание и подчинение народов Саяно-Алтайского нагорья. "Чингисхан передал тогда эти покоренные племена своему сыну Джучи в подданство. Таким образом, население Саяно-Алтайского нагорья и бассейна Верхнего Енисея в 1207 г. попало под власть монгольских феодалов" [12, с. 172].

С падением монгольской Юаньской династии и изгнанием восточных монголов из Китая (1368 г.) разгорается борьба между восточными и западными монголами, в результате которой наступает кратковременное господство западных монголов, или ойратов, расцвет могущества которых приходится на середину XV в. Но после смерти ойратского хана Эсены (1453 г.) западные монголы теряют господствующее положение. Междоусобицы и связанный с ними процесс политического дробления приводят к образованию в конце XVI в. кратковременного государства под главенством Алтынханов. Территория его находилась к западу от верховьев р. Селенги и оз. Хубсугул, включая Туву, до верховьев Иртыша с центром у оз. Убсу-Нур.

Политическое влияние государства Алтынханов распространялось на минусинскую котловину, т.е. на енисейских киргизов, и частично (после падения Сибирского ханства) на телеутов, кочевавших в междуречье Иртыша и Оби. В это